ПОХОЖДЕНІЯ
X
русскаго духовенства.

2 ЗА
П
Без авт.

Богослуженіе.

(XXXIX глава изъ романа „Воскресеніе“, запрещенная въ Россіи цензурою).

Началось богослуженіе.

Богослуженіе состояло въ томъ, что священникъ, одѣвшись въ особенную, странную и очень неудобную, парчевую одежду, вырѣзывалъ и раскладывалъ кусочки хлѣба на блюдцѣ и потомъ клалъ ихъ въ чашу съ виномъ, произнося при этомъ различныя имена и молитвы. Дьячокъ же, между тѣмъ, не переставая, сначала читалъ, а потомъ пѣлъ, попеременно съ хоромъ изъ арестантовъ, разныя славянскія, сами по себѣ мало понятныя, а еще менѣе отъ быстраго чтенія и пѣнія понятныя молитвы. Содержаніе молитвъ заключалось преимущественно въ желаніи благоденствія государю императору и его семей-

ству. Объ этомъ произносились молитвы много разъ, вмѣстѣ съ другими молитвами и отдѣльно, на колѣняхъ. Кромѣ того, было прочтено дьячкомъ нѣсколько стиховъ изъ Дѣяній Апастоловъ такимъ страннымъ, напряженнымъ голосомъ, что ничего нельзя было понять, и священникомъ очень внятно было прочтено мѣсто изъ Евангелія Марка, которомъ сказано было, какъ Христосъ, воскресши, прежде чѣмъ улетѣть на небо и сѣсть по правую руку своего отца, явился сначала Маріи Магдалинѣ, изъ которой онъ изгналъ семь бѣсовъ, и потомъ одинадцати ученикамъ, и какъ велѣлъ имъ проповѣдывать Евангеліе всей твари, причемъ объявилъ, что тотъ, кто не повѣритъ — погибнетъ, кто же повѣритъ и будетъ креститься, — будетъ спасенъ и, кромѣ того, будетъ изгонять бѣсовъ, будетъ излѣчивать людей отъ болѣзни наложеніемъ на нихъ рукъ, будетъ говорить новыми языками, будетъ брать змѣй и, если выпьетъ яцъ, то не умретъ, а останется здоро́вымъ.

Сущность богослуженія состояла въ томъ, что предполагалось, что вырѣзанные священникомъ кусочки и положенные въ вино, при

извѣстныхъ манипуляціяхъ и молитвахъ, превращаются въ тѣло и кровь Бога. Манипуляціи эти состояли въ томъ, что священникъ равномѣрно, несмотря на то, что этому мѣшалъ надѣтый на него парчевой мѣшокъ, поднималъ обѣ руки кверху и держалъ ихъ такъ, потомъ опускался на колѣни и цѣловалъ столъ и то, что было на немъ. Самое же главное дѣйствіе было то, когда священникъ, взявъ обѣими руками салфетку, равномѣрно и плавно махалъ ею надъ блюдцемъ и золотой чашей. Предполагалось, что въ это самое время изъ хлѣба и вина дѣлается тѣло и кровь, и потому это мѣсто богослуженія было обставлено особенной торжественностью.

„Изрядно о пресвятѣй, пречистой и преблагословеннѣй Богородицѣ“, — громко закричалъ послѣ этого священникъ изъ-за перегородки, и хоръ торжественно запѣлъ, что очень хорошо прославлять родившую Христа, безъ нарушенія дѣтства, дѣвицу Марію, которая удостоена за это большей чести, чѣмъ какіе-то херувимы, и большей славы, чѣмъ какіе-то серафимы. Послѣ этого считалось, что превращеніе совершилось, и священникъ, снявъ салфетку съ блюдца, разрѣзалъ сере-

динный кусочекъ на-четверо и положилъ его сначала въ вино, а потомъ въ ротъ. Предполагалось, что онъ съѣлъ кусочекъ тѣла Бога и выпилъ глотокъ Его крови. Послѣ этого священникъ отдернулъ занавѣску, отворилъ среднія двери, и, взявъ въ руку золоченную чашку, вышелъ съ нею въ среднія двери и пригласилъ желающихъ тоже поѣсть тѣла и крови Бога, находившихся въ чашкѣ.

Желающихъ оказалось нѣсколько дѣтей.

Предварительно опросивъ дѣтей объ ихъ именахъ, священникъ, осторожно зачерпывая ложечкой изъ чашки, сувалъ глубоко въ ротъ каждому изъ дѣтей, поочередно, по кусочку хлѣба въ винѣ, а дьячекъ, тутъ же, отирая рты дѣтямъ, веселымъ голосомъ пѣлъ пѣсню о томъ, что дѣти ѣдятъ тѣло Бога и пьютъ Его кровь. Послѣ этого священникъ унесъ чашку за перегородку и, допивъ тамъ всю находившуюся въ чашкѣ кровь и съѣвъ всѣ кусочки тѣла Бога старательно обсосавъ усы и вытеревъ ротъ и чашку, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, поскрипывая тонкими подошвами опойковыхъ сапогъ, бодрыми шагами вышелъ изъ-за перегородки.

Этимъ закончилось главное христіанское богослуженіе. Но священникъ, желая утѣшить несчастныхъ арестантовъ, прибавилъ къ обычной службѣ еще особенную. Особенная эта служба состояла въ томъ, что священникъ, ставъ передъ предполагаемымъ выкованнымъ, золоченнымъ изображеніемъ (съ чернымъ лицомъ и черными руками) того самаго Бога, котораго онъ ѣлъ, освѣщеннымъ десяткомъ восковыхъ свѣчей, началъ страннымъ и фальшивымъ голосомъ не то пѣть, не то говорить слѣдующія слова: „Іисусе сладчайшій, апостоловъ слава, Іисусе похвала мучениковъ, владыко всесильне, спаси мя, Іисусе Спасе мой, Іисусе мой, краснѣйшій, къ Тебѣ притекающаго, Спасе. Іисусе, помилуй мя, молитвами рожденія Тя, всѣхъ, Іисусе, святыхъ Твоихъ, пророкъ же всѣхъ, Спасе мой Іисусе, и сладости райскія сподоби, Іисусе человѣколюбче!“

На этомъ онъ пріостановился, перевелъ духъ, перекрестился, поклонился въ землю, и всѣ сдѣлали то же. Кланялся смотритель, надзиратели, арестанты и наверху особенно часто забренчали кандали. — „Ангеловъ Творче и Господи силъ“, продолжалъ онъ: „Іисусе пречудный, ангеловъ удивленіе, Іисусе пресиль-

ный, прародителей избавленіе, Іисусе преслад-кій, патріарховъ величаніе, Іисусе преславный, царей укрѣпленіе, Іисусе преблагій, пророковъ исполненіе, Іисусе предивный, мучениковъ крѣпость, Іисусе претихій, монаховъ ра-досте, Іисису премилостивый, пресвитеровъ сладость, Іисусе премилосердый, постниковъ воздержаніе, Іисусе пресладостный, преподоб-ныхъ радованіе, Іисусе пречистый, дѣвствен-ныхъ цѣломудріе, Іисусе предвѣчный, грѣш-никовъ спасеніе, Іисусе Сыне Божій, помилуй мя", добрался онъ, наконецъ, до остановки, все съ большимъ и большимъ свистомъ по-вторяя слово, Іисусе, придержалъ рукою рясу на шелковой подкладкѣ и, опустившись на одно колѣно, поклонился въ землю, а хоръ запѣлъ послѣднія слова: „Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя", а арестанты падали и подыма-лись, встряхивая волосами, остававшимися на половинѣ головы, и гремя кандалами, нати-равшими имъ худыя ноги.

Такъ продолжалось очень долго. Сначала шли похвалы, которыя кончались словами: „помилуй мя", а потомъ шли новыя похвалы, кончавшіяся словами, „алиллуія". И арестан-ты крестились, кланялись на каждомъ прере-

рывѣ, но потомъ они стали уже кланяться черезъ разъ, а то и черезъ два, и всѣ были очень рады, когда всѣ похвалы окончились, и священникъ, облегченно вздохнувъ, закрылъ книжечку и ушелъ за перегородку. Оставалось одно послѣднее дѣйствіе, состоявшее въ томъ, что священникъ взялъ съ большого стола лежавшій на немъ золоченный крестъ съ эмалевыми медальончиками на концахъ и вышелъ съ ними на середину церкви. Сначала подошелъ и приложился къ кресту смотритель, потомъ надзиратели, потомъ, напирая другъ на друга и шопотомъ ругаясь, стали подходить арестанты. Священникъ, разговаривая съ смотрителемъ, совалъ крестъ и свою руку въ ротъ, а иногда въ носъ подходившимъ къ нему арестантамъ, арестанты же старались поцѣловать и крестъ, и руку священника. Такъ кончилось христіанское богослуженіе, совершаемое для утѣшенія и назиданія заблудшихъ братьевъ.

Л. Н. Толстой.

Присяга въ судѣ.

(Отрывокъ изъ VIII гл., 1 ч. романа „Воскресеніе“).

Предсѣдатель предложилъ священнику привести засѣдателей къ присягѣ.

Старычекъ-священникъ, съ опухшимъ желтоблѣднымъ лицомъ, въ коричневой рясѣ съ золотымъ крестомъ на груди и еще какимъ-то маленькимъ орденомъ, приколотомъ сбоку на рясѣ, медленно подъ рясой передвигая свои опухшія ноги, подошелъ къ аналою, стоявшему подъ образомъ.

Присяжные встали и толпясь двинулись къ аналою.

— Пожалуйте, — приговорилъ священникъ, потрогивая пухлой рукой свой крестъ на груди и ожидая приближенія всѣхъ присяжныхъ.

Священникъ этотъ священствовалъ 46 лѣтъ и собирался черезъ три года отпраздновать свой юбилей такъ же, какъ его недавно отпраздновалъ свой юбилей такъ же, какъ его недавно отпраздновалъ соборный протоіерей. Въ окружномъ же судѣ онъ служилъ со времени открытія судовъ и очень гордился тѣмъ, что онъ привелъ къ присягѣ нѣсколько де-

бирали. Всѣмъ было неловко, одинъ только старичокъ-священникъ былъ несомнѣнно убѣжденъ, что онъ дѣлаетъ очень полезное и важное дѣло. Послѣ присяги предсѣдатель предложилъ присяжнымъ выбрать старшину.

Л. Н. Толстой.

Священники и присяжные.

Приводя присяжныхъ къ присягѣ, священники требуютъ клятвы отъ присяжныхъ, чтобы они судили по совѣсти и нелицепріятно. Когда же бываетъ имъ нужно засудить сектантовъ, тѣ же священники тайно подговариваютъ присяжныхъ поступить противъ совѣсти, лишь бы осудить сектантовъ. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ въ своихъ запискахъ баптистъ Ѳ. П. Костроминъ:

„Когда насъ осудили, съ нами былъ еще такой случай: черезъ нѣсколько дней, послѣ того какъ посадили насъ въ тюрьму, — заявился къ намъ урядникъ Михаилъ Стефановичъ Дьяконовъ, который былъ на судѣ при-

сяжнымъ засѣдателемъ. Онъ вручаетъ мнѣ письмо для всѣхъ насъ и три рубля денегъ. Въ письмѣ, между прочимъ, онъ пишетъ: „Дорогіе пріятели, Ѳедоръ Петровичъ, Николай Деомидовичъ, Прокофій Деомидовичъ и Сергѣй Ѳеодоровичъ, — извините меня пожалуйста, что васъ напрасно осудили. Это не отъ меня одного зависѣло, а насъ 12 человѣкъ и насъ просили батюшки Петръ Михайленко и Петръ Родіоновъ, чтобы васъ сослать. Вашъ пріятель

М. Дьяконовъ.“

Разсказъ духоборческаго старца Гриши Бокового.

---

15 декабря 1841 года, Воронежской губ., уѣзда Новохоперскаго, села Альферовки, насъ арестовали 20 человѣкъ, предъявили вопросы и предлагали креститься. Мы отвѣчали, что мы крещены святымъ Духомъ: во имя Отца и Сына и Святого Духа. И вотъ они мучили насъ три мѣсяца на морозѣ. Мои

товарищи, 19 человѣкъ, убоялись и сдались, а я остался одинъ. Тогда меня посадили въ казематъ и заковали въ желѣза — (въ кандалы) — и снимали ихъ только въ воскресенье на одни сутки. И они почти каждую недѣлю приходили ко мнѣ съ вопросами: что вы за люди и что ты за человѣкъ?*). И эти два псалма спрашивали съ начала и до конца. И я отвечалъ все до слова. Я просидѣлъ 3 года въ кандалахъ; потомъ меня взяли изъ каземата и повели въ церкви, и попъ меня приглашалъ въ церковь, а я говорилъ, что это не церковь, это есть сойма тлѣнная, а наша церковь построена не въ горахъ, не въ бревнахъ, не въ каменныхъ стѣнахъ, а наша церковь въ душахъ, въ сердцахъ человѣческихъ, во любящихъ и во вѣрнущихъ.

Послѣ этихъ разговоровъ меня приковали у дверей церкви правою рукой къ верху, и заходящіе въ верковь разные богатые и име-

*) У духоборцевъ есть въ ихъ устной „Животной книгѣ“ („Книга жизни“) очень много вопросо-отвѣтныхъ псалмовъ, въ которыхъ излагается все ихъ ученіе, какъ религіозное, такъ и политическое. Два такихъ псалма начинаются вопросами: одинъ, „что вы за люди?“ другой „что ты за человѣкъ?“.

нитые люди и всякій народъ плевали мнѣ въ лицо и укоряли меня. И проходитъ одинъ священникъ и говорилъ мнѣ „сдайся, Григорій Боковой нашему закону, а то пропадешь; я священникъ и я Пасху просвящаю.“ Я ему и говорю: „нѣтъ, ты не священникъ, а ты есть грабитель: новорожденнаго оближишь и мертваго оберешь“.

Это дѣло было на Пасху Христову. Онъ со зла потребовалъ надо мной комиссіи. Съѣхалась комиссія: губернаторъ, другіе генералы, и ихній экзархъ (архіерей) и начали меня судить. Осуждали меня къ разстрѣлу и публиковали о томъ всему народу, чтобы смотрѣли на разстрѣлъ и судили три дня. Первый день присудили къ расстрѣлу, второй день на висѣлицу, третій день на военную службу. Покончивъ этотъ судъ, повели меня въ домъ и положили на столъ деревянный образъ и вопросили меня:

— Ты знаешь, Боковой, кто это такой?

— Я знаю не то что его, а знаю и брата его, — отвѣчалъ я имъ.

— А гдѣ онъ есть, братъ его?

— А тамъ въ лѣсу остался, пенекъ — братъ его; половинка тутъ и половинка тамъ.

Тогда экзархъ ихъ разсерчалъ на меня и плюнулъ мнѣ въ глаза и закричалъ:

— Предать его на военную службу!

И вотъ я прослужилъ на службѣ 17 годовъ безъ отпуска.

Насильное крещеніе.

(Разсказъ, записанный со словъ Ивана Васильевича*).

Это было 8-го сентября, когда потребовали въ нашу волость меня и троихъ другихъ братьевъ. Такъ какъ всѣ трое были въ полѣ, то я пошелъ въ волость (четыре версты) одинъ и встрѣтилъ тамъ урядника, священника и волостного старшину. Послѣдній спросилъ меня, не знаю ли я, гдѣ трое другихъ и придутъ ли они? Я отвѣтилъ,

*) Этотъ разсказъ былъ записанъ г. В. П. въ 1896 г. Перепечатоно изъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства“, выпускъ VI.

что они не придутъ, потому что ихъ нѣтъ дома. Тогда онъ сказалъ мнѣ:

— Иванъ Васильевичъ! завтра вы должны съ своими дѣтьми ѣхать въ селеніе Екатериновку, находящуюся въ семи верстахъ отъ нашей деревни, чтобы миссіонеръ окрестилъ ихъ въ силу указа отъ 4-го февраля. (Указъ гласитъ: „мѣстная полиція, священники и миссіонеры должны употреблять всѣ мѣры къ приведенію отпадшихъ въ церковь“. Подъ „всевозможными мѣрами“ иные понимаютъ, что надо убѣждать народъ, уговаривать и затѣмъ уже дѣйствовать. Но люди въ А. уѣздѣ поняли это по своему, какъ мы это увидимъ ниже.)

Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ имъ:

— Господа, вы знаете, что я не сдѣлаю этого.

— Хорошо, — сказали ему — мы ожидали отъ тебя такой отвѣтъ, поэтому не удивляйся, если завтра поутру сотскій съ десятниками пріѣдутъ къ тебѣ во дворъ, возьмутъ у тебя дѣтей и отвезутъ ихъ въ церковь. Мы это дѣлаемъ для тебя, Иванъ Васильевичъ, и говоримъ тебѣ это сегодня, чтобы вы позна-

комились съ этою новостью, иначе для другихъ мы бы не сказали этого до завтра. Мы совѣтуемъ тебѣ и вамъ всѣмъ, привезите сами дѣтей, чтобы не употреблять насилія, потомучто мы сдѣлаемъ это завтра, — все уже готово для этого. Наша вся деревня знаетъ это и ваша вся деревня знаетъ объ этомъ, такъ что до завтрашняго утра вамъ не позволятъ никуда выѣхать, а противиться — на этотъ разъ вамъ всеравно не поможетъ.

Получивъ такой отвѣтъ, я пошелъ домой и сговорился съ тремя другими, что на этотъ разъ мы дѣйствительно ничего болѣе не можемъ сдѣлать, если только не произойдетъ изъ этого большое насиліе, а можетъ быть даже убійство и смерть, и порѣшили взять здоровыхъ дѣтей изъ семьи и отвезти туда; изъ 10 трое были больные, а также одинъ мужчина и двѣ женщины: а другіе семь дѣтей, трехъ отцовъ и двухъ матерей повезли на утро въ 6 часовъ въ селеніе Екатериновку. Когда мы прибыли туда, то солнце только что взошло и тамъ собралось необозримое множество народу, равно полиція, священники, становой приставъ и купцы; по-

слѣдніе въ другое время почти не ходятъ въ церковь.

Н. П. подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Иванъ Васильевичъ, всѣ ли тутъ дѣти?

— Нѣтъ, — сказалъ я, — трое остались, потому что они больны.

— Везите дѣтей въ церковь, — приказалъ Н. П.

— Нѣтъ, мы не хотимъ этого, — отвѣтили мы, — отъ насъ вчера потребовали доставить ихъ сюда, чтобы избѣжать насилія. Вотъ они теперь здѣсь, но мы не позволяемъ ничего дѣлать надъ ними.

Послѣ того Н. П. отправился въ церковь и прибизительно черезъ часъ возвратился оттуда съ полиціей и возпріемниками и сказалъ:

— Вотъ духовные родители для дѣтей, теперь мы ихъ будемъ крестить.

Затѣмъ мы убѣдили дѣтей итти съ ними, — (старшему всего было семь лѣтъ, а младшему два года), — но ничего не дѣлать и ничего не говорить, но позволить съ собою дѣлать все, что хотятъ. Когда дѣтей увели въ церковь и прошло опять съ часъ времени, пришелъ Н. П. съ полиціей и

просилъ насъ итти въ церковь, но мы не хотѣли. Потомъ онъ сказалъ, что не будетъ никакого насилія, священникъ имѣетъ намъ нѣчто сообщить. Затѣмъ мы протѣснились чрезъ множество народа, который не могъ помѣститься въ церкви. Намъ дали мѣсто и, когда мы были тамъ, священникъ сказалъ намъ:

— Не думайте, братья, что мы это насиліе совершаемъ добровольно: нѣтъ ио нашему мнѣнію, слѣдуетъ крестить только такихъ дѣтей, которыхъ приносятъ родители, какъ во время Іисуса, когда Онъ благословилъ дѣтей. Но царь приказываетъ и законъ требуетъ этого, и мы должны это дѣлать, и вы должны это позволить: а теперь хотите оставайтесь тутъ, или выйдите вонъ, мы приступимъ къ крещенію.

Мы всѣ вышли, кромѣ одной женщины, которая потомъ разсказала, какъ происходило дѣло. Старшаго мальчика окунули въ бочку съ водою, разъ, два, три. Мальчикъ сильно сопротивлялся и расплескалъ при этомъ много воды. И когда затѣмъ накинули на него одежду, онъ побѣжалъ изъ церкви къ повозкѣ, говоря отцу:

— Меня хотѣли утопить, но я все же убѣжалъ; уже три раза меня окунули.

Съ того времени шестилѣтняя дѣвочка отъ страха все еще не придетъ въ себя. Маленькихъ дѣтей привели къ повозкѣ кумовья, которые помогали и переодѣвать ихъ. Затѣмъ пришелъ Н. П. и сказалъ:

— Теперь ваши дѣти крещены по слову Божію, такъ крещены, какъ вы крестите и еще лучше.

— Да, — сказалъ я ему, — но жаль, что не по вѣрѣ.

Потомъ я спросилъ, можемъ ли ѣхать домой?

— Да — отвѣтилъ онъ, и мы уѣхали.

Проповѣдь миссіонера православной церкви Исидора Колоколова.

---

11 февраля 1894 года на нашъ Никольскій старообрядческій монастырь, отстоящій отъ станицы Кавказской Кубанской области въ трехъ верстахъ (въ Обвалахъ), напалъ — пи-

шетъ урядникъ Д. К. — съ вооруженною шайкой казаковъ миссіонеръ архимандритъ Исидоръ Колоколовъ, выгналъ изъ него иноковъ и завладѣлъ имъ и всѣмъ находившимся тамъ имуществомъ. Владыку же Силуана, управлявшаго обителью, угналъ на тройкѣ лошадей, подъ конвоемъ, на ближайшую станцію желѣзной дороги, а затѣмъ онъ былъ сосланъ административно въ отдаленныя мѣста Кавказа. Такое беззаконіе И. Колоколова, несмотря на наши жалобы, осталось безнаказаннымъ. Увидѣвъ со стороны своихъ духовныхъ начальниковъ одобреніе своей гнусной дѣятельности, онъ совершилъ новый подвигъ, 7 февраля 1896 г. Исидоръ Колоколовъ, разрывъ въ отобранномъ монастырѣ могилу старообрядческаго епископа Іова и священника, Грегорія, досталъ изъ нея гробы съ тѣлами покойниковъ, 17 лѣтъ лежавшихъ въ землѣ. . . Желая оказать свое усердіе и устроить торжество проповѣдуемому имъ. . . православію, онъ . . . приказалъ поколоть вырытые имъ гробы, облить ихъ керосиномъ, и, возлошивъ ихъ, т. е. тѣла погребенныхъ, на устроенный имъ костеръ, предалъ ихъ сожженію. Весь Кавказъ былъ возму-

щенъ этимъ новымъ вопіющимъ злодѣяніемъ . . . православнаго проповѣдника, даже въ печати было высказано осужденіе такой нехристіанской дѣятельности Исидора Колоколова („Гражданинъ“ 1896 г. № 48). Но духовное вѣдомство, узнавъ объ этомъ событіи, не только не предало суду архимандрита Исидора, но даже дало ему повышеніе въ благодарность за его такое служеніе своей церкви . . . Онъ продолжалъ по прежнему свою злую дѣятельность: на нашихъ глазахъ безчинствовалъ въ монастырѣ, населилъ его недостойными лицами, завелъ въ немъ соблазнительныя вещи, и пошелъ тамъ рядъ всякихъ беззаконій . . .“ *)

---

*) Эти свѣдѣнія взяты изъ прокламаціи старообрядцевъ, напечатанной заграницей. Въ этой прокламаціи, носящей названіе „Величайшее чудо“, было напечатано письмо къ „московскому другу“ урядника Д. К., Кавказской станицы Кубанской области, въ которомъ и разсказываются эти возмутительные факты. Прокламація помѣчена „24 ноября 1898 г.“

Дѣятельность священника Коптаренко*).

Въ Хотинѣ Бессарабской губ., возбуждено было въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года дѣло противъ законоучителя, попа Коптаренка, который в ъ т е ч е н і и 20 л ѣ т ъ с ъ л и ш н и м ъ практиковалъ самые гнусные пороки, выбирая своими жертвами самыхъ скромныхъ мальчиковъ и сиротъ. О преступленіи Коптаренка мѣстное духовное (епархіальное) начальство давно знало, но онъ, очевидно, откупался въ консисторіи, и его переводили на новыя мѣста лишь тогда, когда между прихожанами поднимался усиленный ропотъ. Такимъ образомъ Коптаренко подвизался сначала въ Кишиневѣ, былъ затѣмъ переведенъ въ Акерманъ, потомъ въ м. Липканы Хотин. уѣзда а оттуда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ намъ въ Хотинъ. Послѣдній переводъ состоялся лишь благодаря усиленнымъ хлопотамъ вліятельнаго помѣщика, барона и генерала, владѣльца Липканъ, который энергически требовалъ,

*) Перепечатано изъ „Накануне“, № 2, 1899 г.

чтобы Коптаренка куда нибудь убрали изъ его имѣнія. По слухамъ, одновременно съ переводомъ въ Хотинъ консисторія отдала его подъ надзоръ мѣстнаго протопопа, который долженъ былъ умѣрять и сдерживать Коптаренка на столько, чтобы его порокъ не могъ вызвать остраго протеста въ мѣстномъ обществѣ. По свойственной попамъ наклонности къ сутяжничеству и ябедамъ Коптаренко обжаловалъ въ Синодъ распоряженіе консисторіи о переводѣ, вызвалъ запросъ Синода въ консисторію и въ результатѣ восторжествовалъ. Консисторія отвѣтила въ свое отправданіе, что жалобщикъ переведенъ ею въ болѣе видный и выгодный приходъ, какъ образцовый законоучитель, въ награду, а не въ наказаніе, ибо въ Хотинѣ онъ будетъ преподавать сразу въ 3-хъ училищахъ и, несомнѣнно, проявитъ себя шире въ роли духовно-общественнаго дѣятеля. — Это по истинѣ злодѣйское отношеніе христопродавнической консисторіи къ судьбѣ сотенъ дѣтей, отданныхъ въ руки преступника для развращенія и осквернѣнія, съ полной вѣроятностью можетъ быть объяснено полученіемъ ею отъ Коптаренка извѣстнаго количества

сребрениковъ. И во сколько кратъ ужаснѣе въ данномъ случаѣ преступленіе мѣстнаго архипастыря и руководимаго имъ органа — консисторіи послѣ всего того, что имъ было уже извѣстно объ Коптаренкѣ. Какъ я уже раньше сказалъ, Коптаренко подвизался у насъ въ Хотинѣ въ теченіе 5—6 лѣтъ и, хотя истинная цифра его жертвъ не можетъ быть точно опредѣлена, но во всякомъ случаѣ погубленныхъ имъ дѣтей надо считать сотнями, такъ какъ преподавая въ 3 низшихъ училищахъ, онъ ежегодно имѣлъ дѣло съ 180—200 дѣтей только вновь поступающихъ! . . . Оставаясь безнаказаннымъ, преступникъ не только увеличивалъ число жертвъ своего порока, но сталъ его проявлять въ отвратительно-безстыдной формѣ. Онъ не ограничивался для этого сторожкой при мѣстномъ соборѣ, но дошелъ до того, что въ то время, когда учительница сосредоточивалась на просматриваніи тетрадокъ, садился между дѣтьми на скамейкѣ и растлѣвалъ ихъ съ откровенностью, превосходящей все, что только можно себѣ представить. — Затѣмъ, нѣкоторые изъ намѣченныхъ жертвъ принуждались помогать ему во время богослуженія, для чего онъ при-

бѣгалъ къ давленію на родителей. Я самъ зналъ одинъ такой случай съ знакомымъ мальчикомъ, который долго отказывался быть съ Коптаренкомъ въ алтарѣ и, несмотря на требованіе родителей, всячески отъ этого уклонялся; согласившись однажды на это, долженъ былъ бѣжать изъ алтаря. Отецъ мальчика, человѣкъ, заслуживающій полнаго уваженія и довѣрія, узнавъ, что начато слѣдствіе противъ Коптаренка, догадался, въ чемъ дѣло, и, допросивъ сына, со слезами на глазахъ сообщилъ мнѣ, что, вѣроятно, Коптаренко покушался изнасиловать мальчика, и, хотя послѣдній стыдился подтвердить это, но сомнѣнія быть не можетъ. Кромѣ того Коптаренко особенно стремился всегда быть съ дѣтьми, и такое стремленіе его было болѣе, чѣмъ подозрительно. Во время елокъ онъ забивался съ дѣтьми въ самые темные углы, и сами мальчики мнѣ лично говорили, что онъ тогда велъ себя очень безстыдно, хотя и уклонялись и стыдились передавать подробности.

О подвигахъ Коптаренка громко и единогласно говорила вся мѣстная „интеллигенція“, но въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ они не вы-

звали активнаго протеста въ деревянныхъ душахъ обывателей.

Пассивное отношеніе родителей пострадавшихъ дѣтей можетъ быть объяснено пришибленностью и нашимъ русскимъ безправіемъ, но прежде всего щекотливостью дѣла, въ которомъ замѣшаны духовныя лица, и вытекающей изъ этого трудностью доказать на слѣдствіи самые факты преступленія. Впрочемъ, я слышалъ объ одномъ случаѣ, когда отецъ одного изъ пострадавшихъ мальчиковъ, оскорбленный въ своемъ родительскомъ чувствѣ, добивался у мѣстнаго протопопа возбужденія дѣла. Протопопъ отсовѣтовалъ начинать дѣло, требовалъ письменнаго заявленія отъ опозореннаго отца, напирая въ тоже время на тяжесть отвѣтственности по обвиненію духовнаго, если слѣдствіе не потвердитъ взводимаго обвиненія. Наконецъ, совѣтовалъ прекратить дѣло въ интересахъ самого мальчика, зная, что отецъ намѣренъ опредѣлить его въ гимназію, и что это опредѣленіе не могло бы состояться, разъ мальчикъ фигурировалъ въ офиціально начатомъ дѣлѣ.

Въ концѣ концовъ дѣло противъ Коптаренка всетаки начато въ ноябрѣ мѣсяцѣ и

теперь въ ходу. Честь его возбужденія всецѣло принадлежитъ двумъ учителямъ хотинскаго уѣзднаго училища, въ которомъ хотя Коптаренко не преподаетъ, но среди учениковъ котораго ищетъ себѣ новыхъ жертвъ, а также поддерживаетъ связи съ тѣми изъ мальчиковъ, которыхъ успѣлъ развратить въ начальныхъ училищахъ. Упомянутые два учителя обратили вниманіе на поразительно плохіе успѣхи учениковъ и на ихъ жалкій видъ; обнаруживъ настоящую эпидемію онанизма, они запретили имъ посѣщать Коптаренка. Несмотря на это запрещеніе, одинъ изъ мальчиковъ былъ уличенъ законоучителемъ и учительницей въ сношеніяхъ съ Коптаренко (въ упомянутой сторожкѣ) и былъ допрошенъ коллективно 4 учителями и смотрителемъ училища въ педагогическомъ совѣтѣ. Мальчикъ сознался во всемъ. Тогда педагогическій совѣтъ оформилъ свое засѣданіе и отослалъ журналъ Попечителю Одесскаго Учебнаго Округа, который распорядился удалить Коптаренка отъ законоучительства въ 3-хъ низшихъ училищахъ, а спустя нѣсколько дней воспослѣдовало и распоряженіе духовнаго начальства о воспрещеніи ему со-

вершать требы. Одновременно съ этимъ упомянутыми учителями было заявлено прокурору о преступленіи Коптаренка. Впрочемъ, со стороны послѣдняго не было обнаружено до моего отъѣзда изъ Хотина (въ концѣ ноября) никакой гласной иниціативы.

Приблизительно недѣли черезъ двѣ послѣ удаленія Коптаренка отъ законоучительства пріѣхалъ на слѣдствіе мѣстный окружной инспекторъ народныхъ училищъ, который по отношенію къ начавшимъ дѣло учителямъ велъ себя страшно грубо и враждебно. Во 1-хъ онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они совершили преступленіе по службѣ, сообщивъ фактъ прямо попечителю, а не по инстанціямъ (т. е. ему), и въ тоже время обратились безъ распоряженія своего начальства къ прокурору. Хотя указанные учителями и допрошенные инспекторомъ родители и подтвердили обвиненіе, но инспекторъ предсказалъ, что дѣло ничѣмъ не кончится, такъ какъ правительство не можетъ допустить, чтобы лицо духовнаго сана было скомпрометировано обвиненіемъ въ такомъ ужасномъ преступленіи, и несомнѣнно приметъ всѣ мѣры къ обѣленію преступника. Предсказанія

инспектора едва ли могутъ оправдаться послѣ удаленія Коптаренка отъ духовныхъ требъ и законоучительства, но у насъ всего ожидать можно . . . Вотъ почему я и обращаюсь съ этимъ письмомъ къ вамъ.

Дѣло начато и ведется. Но можетъ быть существуютъ конфиденціальные циркуляры, можетъ быть вмѣшается Побѣдоносцевъ, — и проявившіе гражданскій долгъ учителя могутъ быть обвинены въ подрываніи основъ. Есть признаки, позволяющіе ожидать и такого исхода. . .

О монастыряхъ *).

Изъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи.

Въ послѣдные годы въ русскихъ газетахъ часто приходится читать краткія извѣстія: въ такой-то губерніи и уѣздѣ открыта женская монашеская община на такое-то число сестеръ. Обыкновенно такія извѣстія очень мало

*) Взято изъ „Свободнаго Слова“ № 2 (1902 г.).

обращаютъ на себя вниманіе читателей. Развѣ кто нибудь только подумаетъ; вотъ, видно, въ Россіи стремленіе къ монашеской жизни среди женщинъ не оскудѣваетъ, если и въ настоящее время находятся средства открывать новые монастыри и устраивать новыя общины. Это заключеніе, по крайней мѣрѣ для нашей Ярославской губерніи, было бы не совсѣмъ вѣрно, а такъ какъ наша губернія едва ли составляетъ въ этомъ отношеніи какое нибудь исключеніе, то весьма вѣроятно, что и для всей Россіи заключеніе о томъ, что находятся новыя средства для основанія новыхъ монастырей будетъ невѣрно. Мы въ Ярославской губерніи имѣемъ передъ своими глазами фактъ основанія женскихъ общинъ на мѣстѣ упраздняемыхъ мужскихъ монастырей, причемъ мужскіе монастыри упраздняются, исключительно вслѣдствіе скандальнаго поведенія монаховъ. Въ Ярославской губерніи такимъ образомъ послѣдніе годы были упразднены и переименованы въ женскія общины два мужскихъ монастыря — въ городѣ Даниловѣ и въ Пошехонскомъ уѣздѣ, такъ называемая, Исаковская пустынь. Я буду говорить только о томъ, что мнѣ лучше извѣстно: о

монастыряхъ Пошехонскихъ. Съ давнихъ поръ Пошехонскій уѣздъ, обитатели котораго также издавна привыкли искать себѣ хлѣба на сторонѣ, прокармливалъ отъ своихъ проблематическихъ избытковъ три мужскихъ монастыря. Какую пользу получало населеніе отъ этихъ монастырей въ давнопрошедшія времена остается неизвѣстнымъ, но фактъ сильнаго распространенія въ нашемъ уѣздѣ раскола, въ видѣ, различныхъ ученій, не исключая самыхъ изувѣрныхъ, говоритъ за то, что польза эта во всякомъ случаѣ не состояла въ просвѣщеніи массъ. Въ настоящее же время эти монастыри нельзя назвать иначе, какъ разсадниками пороковъ и разврата. Два доказательства я разскажу исторію закрытія и обращенія въ женскую общину Исаковской пустыни.

Въ этой пустыни находится чудотворнйы образъ „Божіей Матери“, составляющій главный источникъ доходовъ монастыря. Образъ этотъ постоянно путешествуетъ не только по своему уѣзду, но, по желанію жителей, заходитъ и въ сосѣдній Вологодскій. Такимъ же образомъ странствуютъ иконы и изъ остальныхъ двухъ мужскихъ монастырей, хотя въ

одномъ изъ послѣднихъ ни на какія чудеса и претензій не имѣется: это просто особенная форма сбора, такъ какъ монахамъ за сборомъ прямо ходить не дозволяютъ. То, что продѣлываютъ святые отцы во время хожденій, представляетъ циничнѣйшую профанацію всякой религіи. Мужскіе монастыри наши наполнены отбросами всѣхъ сословій; туда попадаютъ спившіеся съ кругу духовные, неокончившіе курса и тоже спившіеся семинаристы и другіе тунеядцы и бездѣльники, вплоть до такъ называемыхъ „зимогоровъ“; попадаютъ туда и мѣщанскіе и крестьянскіе сироты-мальчики и проходятъ довольно полную школу праздности и разврата. Группа такого сброда, являющаяся съ иконой въ деревню или въ помѣщичью усадьбу, производитъ впечатлѣніе разбойничьяго нашествія. Грязные, растрепанные, грубые, съ охрипшими голосами отъ водки и долгаго хожденія по сырой погодѣ, съ перемолотыми, какъ говорятъ народъ, отъ торопливости языками, безъ всякой хотя бы тѣни вниманія, я не говорю ужъ благоговѣнія, къ тому, что они дѣлаютъ, — эти укрѣпители религіознаго чувства въ народѣ производятъ на всякаго свѣжаго человѣка удручаю-

щее впечатлѣніе. Являясь въ деревню, они останавливаются по серединѣ, требуютъ себѣ на улицу столъ, если позволяетъ погода, ставятъ на него икону, и начинаются „молебны“ за гривенникъ и за три гривенника водосвятный. Бабы жалуются, что на гривенникъ хоть и не служи, только и услышишь, что „господи помулуй, аминь“ да „давай гривенникъ“. Буддійскія молитвенныя мельницы безспорно имѣютъ за собой большія преимущества, чѣмъ такіе „молебны“. Недальше какъ нынче осенью въ одномъ помѣщичьемъ домѣ за молебномъ пѣвчіе такъ заинтересовались стоявшей передъ ними бутылкой, что забыли и о священникѣ, и о молебнѣ. Въ бутылкѣ оказался уксусъ, а не водка, какъ они думали, и, вмѣсто молебна, на глазахъ, цѣлой толпы богомольцевъ былъ разыгранъ фарсъ, который пошехонскіе св. отцы называютъ христіянскимъ служеніемъ. Какіе папуасы или пешересы служатъ хуже своимъ идоламъ? Каждый день такого путешествія кончается пьяной оргіей, водка возится съ собой, четвертная бутылъ стоитъ обыкновенно у всѣхъ на виду въ повозкѣ, рядомъ съ иконой. Бывали и такіе случаи при этомъ, что пока св. отцы

благодушествовали, который нибудь изъ пѣвчихъ забиралъ кружку со сборомъ и давалъ тягу, чаще всего, впрочемъ, до ближайшаго кабака.

Но описывая то, что относится вообще къ поведенію нашихъ монаховъ я уклоняюсь отъ своего предмета — упраздненія Исаковской пустыни. Монахи тамъ жили не одну сотню лѣтъ въ полномъ благоденствіи, не отказывая себѣ ни въ чемъ: были и сыты и пьяны, и всѣмъ довольны, чего только душа хотѣла, потому что около самаго монастыря расположена довольно большая деревня, гдѣ былъ, конечно, кабакъ, и въ каждомъ домѣ которой проживали монашескія жены, а у нѣкоторыхъ монаховъ тамъ было, говорятъ, и по нѣсколько въ разныхъ домахъ. Анекдоты, которые тутъ разсказываются, могли бы послужить темами для самого Баккачіо и, во всякомъ случаѣ, нашимъ пошехонскимъ манахамъ нечему бы было учиться у итальянскихъ. Мнѣ показывали между прочимъ сундукъ, который служилъ для скрытія женъ въ кельѣ. Остроумно устроенный сундукъ, — помѣщаться тамъ нужно было лежа, но за желѣзной подвижной обивкой было устроено окошечко

„для воздуха“. О такой жизни монаховъ знали рѣшительно всѣ въ уѣздѣ, и надо полагать, что и самое начальство ихъ все это допускало, потому что очень ужъ это все беззастѣнчиво и открыто дѣлалось, — пока праздность, пянство и развратъ не дошли, наконецъ, до того, что въ одинъ прекрасный августовскій день самъ игуменъ монастыря убилъ у себя въ кельѣ женщину, изрубилъ трупъ на куски съ помощью двухъ другихъ и, вынеся вонъ изъ стѣнъ монастыря, разбросалъ куски въ ближайшемъ лѣсу. Убійцу и сообщниковъ судили въ Пошехоньѣ при закрытыхъ дверяхъ, конечно, осудили на нѣсколько лѣтъ каторги, но приговоръ этотъ былъ неокончательный, и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ это омерзительное дѣло кончилось — для насъ осталось неизвѣстнымъ. Монастырь въ мужскомъ завѣдываньи просуществовалъ еще съ годъ. Черезъ годъ послѣ перваго убійства тамъ произошло еще новое, но этотъ случай даже и до суда не былъ доведенъ, такъ какъ убійство произошло отъ слишкомъ большой ревности къ водворенію порядка новаго игумена. Послѣ этого монаховъ выселили, и на мѣстѣ мужского монастыря яви-

лась женская община. Въ Даниловѣ произошло нѣчто подобное. Четвертый нашъ пошехонскій монастырь, недавно возникшій, занялъ тоже владѣнія мужского монастыря.

Такимъ образомъ являются женскія общины. Онѣ представляютъ изъ себя уже нѣчто иное сравнительно съ мужскими. Матушки игумены больше всего стараются о внѣшнемъ благолѣпіи обителей и большею частью являются отличными хозяйками. Онѣ стараются привлечь къ себѣ все здоровыхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ и заставляютъ исполнять не только женскую, но и мужскую работу. Лѣтомъ онѣ все дѣлаютъ сами въ полѣ, а зимой возятъ бревна и камень на постройки и, такимъ образомъ, эти дѣвушки работаютъ въ монастыряхъ гораздо больше, чѣмъ дома, и не было бы основанія ни для какого обвиненія ихъ, если бы онѣ удовлетворялись своей работой. Но, къ сожалѣнію, это не такъ; женскіе монастыри для населенія тягостнѣе еще мужскихъ: монашенки почти безпрерывно шныряютъ по уѣзду — то съ артосомъ, то съ иконой, то за новью, а новито у насъ хватаетъ иной разъ только до Введеньева дня. Спрашивается: съ какой стати

должно населеніе уѣзда отрывать кусокъ отъ своего и безъ того небольшого каравая, чтобы кормить сотни не приносящаго ему никакой пользы, а въ худшемъ случаѣ, прямо вреднаго ему народа? У насъ теперь въ уѣздѣ меньше врачебныхъ пунктовъ, чѣмъ монастырей; меньше, конечно, разъ въ десять учителей и учительницъ, чѣмъ монаховъ, и монахинь. Наши школы помѣщаются въ полуразвалившихся избёнкахъ, гдѣ учителя и ученики мерзнутъ зимой, а въ монастыряхъ даже конюшни и скотные дворы каменные; вслѣдствіе этого у нихъ и скоту, пожалуй, живется лучше, чѣмъ мужику, съ котораго они наровятъ сорвать не тѣмъ, такъ другимъ способомъ. И среди этого великолѣпія, нѣтъ ни одного уголка, посвященнаго хоть на какую-нибудь пользу окружающей наши монастыри деревни. Ни въ одномъ нѣтъ ни признака какой-нибудь школы или пріюта для убогаго и голоднаго — ничего! Послѣдній женскій монастырь былъ основанъ между прочимъ, будто-бы, для воздѣйствія на раскольниковъ. Но какое-же можетъ быть воздѣйствіе, когда сами просвѣтительницы почти сплошь неграмотныя, и никто изъ на-

чальствующихъ и не думаетъ о томъ, чтобы ихъ хоть сколько-нибудь поучить. Онѣ ухитряются даже пѣвчихъ учить пѣть только съ голоса, безъ грамоты. Не слишкомъ ли поэтому много для насъ, пошехонцевъ, четырехъ монастырей? N. N.

Бунтъ въ женскомъ монастырѣ.

(Письмо изъ Николаевска, Самарской губ.)

Нашъ городъ въ большомъ волненіи. Толкамъ и пересудамъ нѣтъ конца. Въ концѣ города находится женскій единовѣрческій монастырь, имѣющій солидные доходы (далеко больше 10 000 руб. въ годъ). Въ этомъ монастырѣ находилось около 400 монахинь. Порядки, а въ особенности нравственность, этого монастыря оставляли желать очень многаго. Вотъ уже почти два года, какъ настоятельницею въ этотъ монастырь назначена родная сестра нашего епископа Тихона. Новая игуменья повела себя иначе, т. е. завела другіе порядки, очень не нравящіеся большинству монахинь. Одни говорятъ, что игу-

менія стремится какъ можно больше выгнать изъ монастыря сестеръ, чтобы больше оставалось денегъ; другіе — всѣ ея распоряженія относятъ къ дурному характеру; а третьи — находятъ, что давно пора положить конецъ распущенности . . . монахинь. Какъ бы тамъ не было, но только четыре престарѣлыхъ монахини (говорятъ мѣтившія занять мѣсто игуменьи) подали епископу Гурію жалобу на свою начальницу. Слѣдствіе производилъ епископъ Тихонъ. Жалоба оказалась неосновательною. Епископъ Гурій положилъ такого рода резолюцію: съ жалобщицъ снять мантіи; разослать въ разныя монастыри, а пока онѣ не испросятъ прощенія, наложить на нихъ проклятіе; резолюцію приказать объявить протоіерею о. Лебедеву, 9 іюня, въ присутствіи епископа Тихона, о. Лебедевъ, послѣ вечерни началъ читать резолюцію. Собравшіяся сестры подняли такой шумъ и гвалтъ, что преосвященный съ о. Лебедевымъ подвергались большой опасности быть избитыми. Епископа Гурія и его резолюцію оскорбляли всяческій. Кощунство и сквернословіе были невообразимыя. Этимъ не окончилось. Толпа около 200 сестеръ выбѣжала

изъ храма на монастырскій дворъ и продолжала неистовствовать. Шумъ и безпорядки въ стѣнахъ монастыря, стали привлекать постороннихъ лицъ. Ворота были заперты. Масса народа, празднично настроеннаго, окружала стѣны монастыря. Изъ-за стѣнъ неслись крики, плачъ, проклятія, злословіе монахинь, возбуждавшихъ толпу увѣреніемъ, что самъ владыко оскорбляетъ ихъ цѣломудріе, который находится въ стостояніи опьяненія вмѣстѣ съ начальницею. . . Трудно передать все то, что говорилось монахинями съ цѣлью возбудить толпу. Все это вмѣстѣ взятое, раздражало толпу и, только благодаря 2—3 лицамъ, сумѣвшимъ удержать толпу отъ разгрома воротъ, а можетъ быть и самаго монастыря, въ то же время увѣдомившихъ полицію, которая быстро удалила народъ, — все сравнительно обошлось хорошо. Съ удаленіемъ народа, безпорядокъ въ монастырѣ продолжался, такъ что исправникъ командировалъ туда полицейскихъ и чиновника. Полиція живетъ и теперь тамъ.

Пастыри и паства.

Священникъ Іоаннъ Колосовскій, выражая (въ „Гражданинѣ“) радость по поводу дарованія православному духовенству, наравнѣ съ офицерами, льготы ѣздить во второмъ классѣ съ билетами третьяго, такъ характеризуетъ публику 3-го класса, составляющую, несомнѣнно, главную массу его паствы:

„Ѣздить духовенству въ 3-емъ классѣ не слѣдовало бы ни въ какомъ случаѣ. Помимо личныхъ неудобствъ отъ путешествія въ компаніи подонковъ общества, весьма чувствительныхъ (неудобствъ) для всякой вообще интеллигентной особы, служитель алтаря Божія присутствіемъ среди этого вертепа, какой зачастую представляетъ изъ себя вагонъ 3-го класса, болѣе чѣмъ гдѣ-либо унижаетъ свое достоинство, роняетъ присущій ему по положенію авторитетъ, подрываетъ уваженіе къ особѣ священнослужителя и, вынужденно позволяя глумиться, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, въ лицѣ своей особы надъ всѣмъ православнымъ духовенствомъ, тѣмъ самымъ отдаетъ себя на попраніе свинямъ многоцынный бисеръ,

т. е. священный санъ, равнаго которому нѣтъ на землѣ."

„Въ настоящее время — пишетъ священникъ Апполоній Гончаровскій въ томъ же „Гражданинѣ" — я служу въ г. Лебединѣ, близкомъ къ мѣсту недавно бывшихъ крестьянскихъ бунтовъ, а десять лѣтъ назадъ служилъ въ этомъ самомъ районѣ. И вотъ живо помню, какъ тогда, будучи совсѣмъ еще молодымъ священникомъ, я вдругъ, совершенно неожиданно для себя натолкнулся на фактъ, что въ народѣ живетъ твердая вѣра въ то, что рано или поздно помѣщичьи земли будутъ раздѣлены между крестьянами.

Я шелъ служить въ приходъ вольною волею въ убѣжденіи, что въ санѣ священника сослужу родному народу вѣрную службу. Воодушевляемый свѣтлыми мечтами, воспитанный въ постоянной связи съ народомъ, я чутко внималъ всякому движенію народной души, стараясь сперва изучить ее, чтобы съ тѣмъ большимъ успѣхомъ затѣмъ просвѣщать ее, по мѣрѣ силъ. И вы поймете, князь, что не могъ я въ ту пору отнестись равнодушно къ такой чудовищной химѣрѣ,

какъ упомянутое выше, живущее въ народѣ убѣжденіе. Съ тѣхъ поръ и до сего дня я не упуская случая внушать своимъ прихожанамъ правильныя понятія о правѣ собственности, о неравенствѣ состояній, представлять имъ всю жестокую несправедливость столь облюбованнаго ими раздѣла земли. . . И что же? Положа руку на сердце, долженъ я по іерейской своей совѣсти свидѣтельствовать, что я не имѣлъ до сего времени желаемаго успѣха за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда моими слушателями являлись крестьяне-собственники болѣе или менѣе значительныхъ земельныхъ угодій. Явленіе поразительное и, сознаюсь, до сего времени не вполнѣ, кажется, понятое мною, имѣвшимъ успѣхъ во многихъ случаяхъ моей пастырской дѣятельности среди крестьянства. По истинѣ — это болѣзненная идея, бередящая темную народную душу. И развѣ возможно исцѣлить эту болѣзнь однимъ только словомъ, хотя бы и пастырскимъ, когда окружающая крестьянина дѣйствительность, совокупностью важнѣйшихъ условій его быта, питаетъ эту болѣзнь!

Торжество православія.

Дѣло происходило лѣтомъ 1897 г. Во дворѣ сельскаго правленія с. Екатериновки. Ростовскаго округа, собралось до 30 семействъ сектантовъ, такъ называемыхъ „шелапутовъ“. Здѣсь были и родители, и дѣти. Неудомѣніе было написано на лицахъ этихъ людей. Они чувствовали, знали, что призвали ихъ сюда, подъ угрозой большихъ наказаній въ случаѣ неявки, не за добромъ, и теперь съ нетерпѣніемъ ожидали резолюціи, какую на этотъ разъ угодно положить властямъ предержащимъ. Дѣти шелапутовъ, — эти маленькіе, жизнерадостные, вѣчно веселые и рѣзвящіеся обыватели деревни, замолкли и крѣпко-крѣпко держались за руки отцовъ и юбки матерей. Ихъ сердечки тоже чуяли что-то недоброе для себя, и они съ тревогой заглядывали въ глаза родителей и старшихъ, боясь спрашивать о чемъ-бы то ни было, какъ-будто желая отдалить то роковое для нихъ, о чемъ всѣ шумѣли кругомъ. Вотъ, наконецъ, на крыльцѣ появились священники, засѣдатель и другіе. Спустя нѣкоторое время, засѣдатель развернулъ

бумагу и началъ читать циркулярное распоряженіе объ отобраніи дѣтей, въ возрастѣ отъ 2 до 11 лѣтъ, у сектантовъ завѣдомо вреднаго толка и объ отдачѣ ихъ на воспитаніе благонадежнымъ жителямъ села, извѣстнымъ своимъ благочестіемъ и доброй нравственностью. Послѣ этого священникъ сказалъ нѣсколько словъ о деморализаціи, вносимой разными вредными сектами, въ томъ числѣ и сектой шелапутовъ, въ населеніе, причемъ добавилъ, что все это должно строжайше преслѣдоваться и искореняться. Стоявшіе въ „кругу“ были, какъ говориться, ни живы, ни мертвы; они какъ-то опустились, на лицахъ у всѣхъ замерло выраженіе безвыходнаго, горькаго горя. Вдругъ, среди мертвой тищины, раздались раздирающіе душу крики женщинъ, которыя, быть можетъ, и не поняли ни содержанія прочитанной бумаги ни рѣчи священника, но которымъ материнское чувство подсказало угрожавшую опасность. Къ нимъ тотчасъ-же присоединился плачъ дѣтей. Раздался приказъ засѣдателя подвести семью шелапута А., стоявшую первою въ спискѣ. Въ сопровожденіе сотскихъ, семья эта подошла къ крыльцу, и засѣдатель отобралъ

6-лѣтняго мальчика А. для передачи кому-либо изъ односельчанъ, на которыхъ можетъ указать духовенство. И тутъ-же обратился къ толпѣ съ предложеніемъ взять отобраннаго мальчика на воспитаніе. Желающихъ оказалось много. Тогда сотскій, по приказанію засѣдателя, подошелъ къ А., чтобы взять мальчика. Съ этого момента толпа совершенно забыла свои непріязненныя чувства къ шелапутамъ и плакала заодно съ ними навзрыдъ! Описывать все, происходившее въ правленіи, было-бы слишкомъ тяжело. Засѣдатель злился и старался перекричать всѣхъ, чтобы поскорѣе довести до конца начатое. Дѣтей отбирали сотскіе и передавали ихъ желающимъ взять на воспитаніе. Родители окончательно обезумѣли, — цѣловали полы одеждъ у духовенства, обнимали ноги засѣдателю. Изъ всей этой, невыразимо тяжелой картины особенно врѣзался память одинъ крестьянинъ, вдовецъ лѣтъ 35. Высокій, плотный, съ пріятными, нѣсколько хмурыми чертами лица, онъ все время не выпускалъ изъ рукъ своей крошечной, хорошенькой дѣвочки лѣтъ 5—7. Онъ хотѣлъ было уйти съ нею со двора сельскаго прав-

ленія, но нѣсколько сотскихъ остановили его и силою вырвали у него дѣвочку. Тогда онъ грохнулся, какъ подкошенный, безъ чувствъ на землю. Ни звука, ни стона онъ не издалъ. Всѣхъ какъ-то передернуло, потрясло это, но ретивый блюститель закона ударилъ его ногой, проговоривъ: „Вишь, скотина, притворяется!“ Однако, „скотина“ долго не могъ очнуться, а когда пришелъ въ сознаніе, то сталъ шарить вокругъ себя руками, какъ будто что-то ища, хотя это и днемъ было.

Русскія явленныя иконы*).

Вотъ гдѣ диво-то творится
Если бъ ты-то зналъ:
Я небесную царицу
Въ кладезѣ досталъ.
Заявилъ попу-владыкѣ,

*) Это стихотвореніе написано сектантомъ-баптистомъ Ѳ. Костроминымъ.

Онъ немедля зазвонилъ:
Переборъ такой начался,
Просто хоть куда!
Батька въ ризу облачился,
Дьяконъ ладономъ чадитъ . . .
Тутъ хоругви шевелятся,
Самъ-же попъ съ крестомъ стоитъ,
Пономарь бѣжитъ съ кадиломъ,
А дьячекъ съ шестомъ . . .
Въ суматохѣ всякій шепчетъ:
— Что-то, братецъ, есть!
Для какой то вѣдь потребы
Этотъ нуженъ шестъ . . .
— Ахъ, какой же ты невѣжа,
Иль не знаешь ты:
По всей матушки Россіи
Нужны намъ шесты.
На шестахъ у насъ хоругви
И бога висятъ,
А теперь, братецъ, явилась
Вѣдь царица — мать!
Вотъ на шестъ ее навяжутъ,
Выше поднимутъ,
Чтобы зналъ народъ смущенный
Милость Божью, новый кнутъ . . .
Чтобы знали всѣ крестьяне

Почему попы съ крестами
Къ кладезю пошли,
Гдѣ небесную царицу взяли и нашли.
Что за диво, братъ, свершилось,
Просто не поймешь:
Поднялся трезвонъ великій
И народы всѣ толпами
Къ кладезю — бѣгомъ.
Вотъ старухи поплелися,
Деньги взяли изъ мотковъ.
Попъ оретъ молебенъ дикій,
Дьякъ стоитъ орломъ . . .
На тарелку сыпятъ деньги,
Если денегъ, братецъ, нѣтъ,
То клади платокъ,
Иль пряденый зимней стужей
Бѣленькій холстокъ.
И пошли уже доходы,
Какъ рѣки потокъ.
Вотъ изъ этого-то, братецъ,
И попы ревутъ,
Что денежки лопатой
Въ кошельки гребутъ.

Новоаѳонскія чудеса.

(Разсказъ сектанта-баптиста.)

Однажды, въ какомъ году не припомню хорошо, въ хуторъ Гапкинъ станицы Николаевской, области войска Донского, заявился изъ Новаго Аѳона монахъ, заѣхалъ къ уряднику Евграфу Ивановичу Назарову. Какъ услышали жители этого хутора, что пріѣхалъ святой отецъ изъ Аѳона, то потекли массами мужчины и женщины. Домъ Назарова вскорѣ былъ наполненъ; тутъ начались спросы да разспросы, какъ тамъ въ святой обители Аѳонской святые отцы живутъ. Монахъ видитъ — народа много; у него сейчасъ же явилась особая энергія и онъ началъ развивать имъ свое заблужденіе насколько хватало глупости; вотъ его разсказъ:

— Вы знайте, боголюбивые дѣти, что мы въ святой обители Аѳонской постоянно молимся передъ иконами по очереди, гдѣ постоянно горятъ лампады и свѣчи. Молимся и по заказу за умершихъ, за живыхъ, страждущихъ, странствующихъ и тому подобно и молитвы-то-о-о наши Богъ слушаетъ и въ

виду являетъ чудеса и какія чудеса-то-о-о! Я вамъ разскажу, а именно: мы возьмемъ человѣческія кости извѣстнаго человѣка, сухія и совершенно бѣлыя и начинаемъ молиться годъ и болѣе продолжаемъ молиться до тѣхъ поръ, пока эти кости сдѣлаются желтыя и тогда уже мы достовѣрно знаемъ, что душа его принята. Во-о-тъ видите, дѣти, какія чудеса-то творятся черезъ наши молитвы-то . . .

Поклонника этого православнаго лицедея со слезами на глазахъ слушали его и набожно крестясь, стали молиться: „О! Господи, мать пресвятая Богородица, Микола святой, великій чудотворецъ какія чудеса-то? . . . . страсть! . . .

— Батюшка сколько же стоитъ молиться за покойника, я бы записала.

— Цѣна-то, дитя мое, разная, на срокъ или вѣчно это, вѣдь, вопросъ. Если на срокъ, то за упокой отъ 3 до 10 рублей, а если вѣчно 25 рублей, а за живыхъ до смерти 10 рублей.

— Ну что же, батюшка, пиши: отъ Аксиньи Карповны Власовой за упокой раба Божія Карпа 25 рублей, это мой отецъ былъ.

— Батюшка пиши отъ Матрены Петровой, — говоритъ другая баба, — раба Божія Гавріила, шелковое платье, это мой мужъ былъ.

И такъ далѣе, много записались; давали деньги и вещи и монахъ этотъ, набравъ и денегъ и вещей разныхъ, и отъ мужчинъ и отъ женщинъ, отправился домой на Аѳонъ. На пути онъ заѣхалъ въ станицу Константиновскую, области войска Донского въ гостинницу Куницына и за упокой умершихъ, а за здравіе живыхъ, изрядно кутнулъ и отправился, послѣ кутежа, ни съ чѣмъ, какъ нигдѣ небывалый.

Я спрашивалъ у посѣтителей этого монаха, какъ незнавшій еще ничего, и они мнѣ разсказывали все подробно съ какимъ то чувствомъ набожности, на что я замѣтилъ имъ: неужели-же изъ васъ не нашлось ни одного благоразумнаго человѣка спросить вашего святого отца, молъ, батюшка, были ли случаи, когда вы молились о костяхъ, чтобы изъ желтыхъ или черныхъ костей дѣлались бѣлыя? Вѣдь онъ вамъ дурака строилъ; вѣдь вы сами подумайте хорошенько, что кости чѣмъ онѣ долѣе лежатъ, тѣмъ болѣе онѣ подвержены гніенію, почему и дѣлаются изъ бѣлыхъ

желтыя, а потомъ и черныя. Ибо они съ каждымъ днемъ измѣняются въ своемъ составѣ.

Черезъ мѣсяцъ сосѣдка моя Аксинья Власова получила письмо отъ монаха, съ адресованнымъ конвертомъ, внутри вложенномъ на имя ея, а какъ она безграмотная, то и принесла читать ко мнѣ. Въ письмѣ монахъ между прочимъ пишетъ: „Боголюбивая благодѣтельница Аксинья Карповна, деньги твои, 25 рублей, я записалъ на приходъ и записалъ покойнаго вашего отца, раба Божія Карпа въ поминальный синодикъ, прошу пришли и за живыхъ Ивана и другихъ; но не пиши въ письмѣ на поминъ души, а пиши на твои нужды, а то мнѣ ихъ не дадутъ, если будетъ написано на поминъ души".

Когда я прочелъ письмо, то объяснилъ ей обманъ монаха. Обманъ этотъ поняли и другіе, получившіе такого же содержанія письма и никто не послалъ ему въ отвѣтъ даже письма, не говоря уже о деньгахъ, такъ какъ я имъ по этому поводу много смѣялся.

Вотъ на это-то и нѣтъ смысла у русскаго правительства, чтобы воспретить монастырскіе обманы, чрезъ которые монахи и попы

обираютъ простодушнаго русскаго мужика, проповѣдуя свои явныя заблужденія: молиться о сухихъ костяхъ, о чудесахъ отъ явленныхъ иконъ, мощей и т. п. А если это такъ, и если правительство вѣритъ такимъ глупостямъ, то для чего же оно дѣлаетъ огромные расходы на содержаніе врачей, аптекъ, госпиталей, лечебницъ и т. п. благотворительныхъ заведеній, если и безъ нихъ можно обойтись чудесами чрезъ молитвы монаховъ, прикосновеніемъ къ явленной иконѣ, мощамъ и молитвами Ивана Кронштатскаго и т. п.

Но пусть бы заблуждался деревенскій мужикъ необразованный, или какая баба Акулина, но главное заблуждаются очень часто люди интеллигентные, образованные, люди науки вѣрятъ глупостямъ давно отжившимъ свое начало. Если бы образованные не фантазировали бы всѣ эти глупости и не были бы преданы этой лжи, то простой мужикъ давно могъ бы образумиться и скоро бы, и очень скоро, суевѣрія церковныя исчезли бы въ народѣ.

Ужасное творится въ русскомъ правительствѣ: религіозныя собранія не терпимы, проповѣдь Евангелія, собранія вѣрующихъ на

молитву не терпимы, не терпимы нравственные люди, трезвые, надежные плательщики податей. Это все не терпимо; а терпимы: публичные дома и всякія другія непотребныя мѣста, такъ называемые „дома терпимости“ — это терпимо. Пьянство, пьяницы, царскіе кабаки и другіе развратные притоны, это терпимо и все то что противно разуму и человѣческой совѣсти, все это терпимо, — терпимо до тѣхъ поръ, пока самъ народъ все это не перекувернетъ и не выкинетъ вонъ, какъ ненужную дрянь, вмѣстѣ со всѣми этими длинногривыми колдунами и пьяницами.

Ѳ. Костроминъ.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Изъ революціонной русской литературы

I.

1901-ый годъ въ Россіи. — Финляндскія событія. Памяти народной воли. — Военщина противъ гражданъ. — О демонстраціяхъ. — Какъ царь и его министры правятъ Россіей.

Цѣна 3 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владиміромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ

Цѣна 1 м. 50 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ОТЪ РОЗГИ
КЪ ЖЕЛТОМУ БИЛЕТУ

НОВЫЕ ПОДВИГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
и
СТАРЫЯ ДУМЫ РАБОТНИКА.

Цѣна 1 м. 20 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

♡♡♡

ПИСЬМО О ЕГО УЧЕНІИ

Община и міръ. — Внѣшнее и внутреннее единеніе. — Ложь и вѣра. — О любви и жизни. — Изъ частныхъ писемъ и бумагъ разнаго времени. — Изъ писемъ послѣдняго времени. — Нѣсколько мыслей о болѣзни и смерти.

Цѣна 1 мар.